

АНАТОЛИЙ БАХТИАРОВ

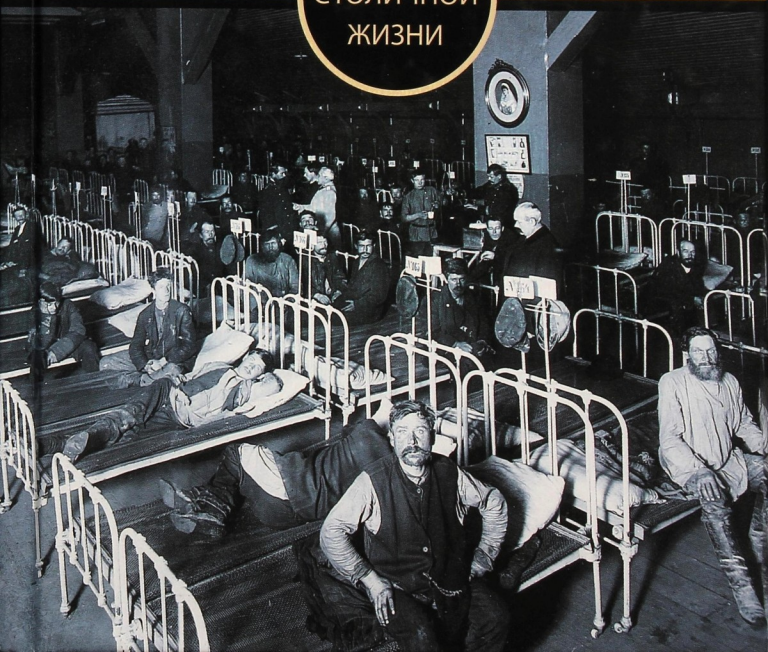
16+

63.3(2)
БЗ0
СА-401126

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА

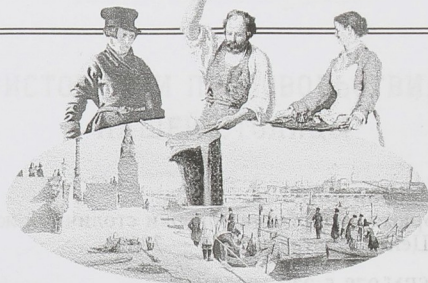
ОЧЕРКИ
СТОЛИЧНОЙ
ЖИЗНИ

АНАТОЛИЙ БАХТИАРОВ

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА

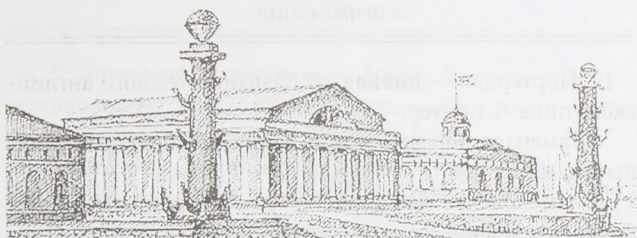
ОЧЕРКИ СТОЛИЧНОЙ
ЖИЗНИ

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

СА-401126

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая ИСТОЧНИКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

ГОРОДСКИЕ СКОТОБОЙНИ	7
ЩУКИН ДВОР	78
САМАРСКИЙ КРАЙ И КАЛАШНИКОВСКАЯ ПРИСТАНЬ	123
ЖИВОРЫБНЫЕ САДКИ И СЕЛЬДЯНОЙ БУЯН	172
НА ОТМЕЛЯХ ФИНСКОГО ЗАЛИВА.....	193
НЕВА И МОРСКОЙ ПОРТ	210
ГОРОДСКАЯ ВОДОКАЧАЛЬНЯ	228
СЕННОЙ РЫНОК.....	231
ОБЖОРНЫЙ РЯД	247

Часть вторая СЛУГИ СТОЛИЧНОГО БРЮХА

КРЕСТЬЯНЕ НА ЗАРАБОТКАХ В ПЕТЕРБУРГЕ	259
ТАТАРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ	273
ПРИГОРОДНЫЕ ЧУХНЫ	283
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРЯПИЧНИКИ	299

СОДЕРЖАНИЕ

БУКИНИСТ	311
ЖИВОПИСЕЦ ВЫВЕСОК	317
УЛИЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГАМЕН.	325
ПЕТЕРБУРГСКИЕ НИЩИЕ.	333
НАРОДНОЕ ГУЛЯНЬЕ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ.	358
ПРИМЕЧАНИЯ	377

Для бесплатной доставки 10+

Владельцы Александровы

ВРЮХО ПЕТЕРБУРГА

Очерки столичной жизни

Оригинальный текст в виде 10-й книги

Владельцы Е.А. Иванов

Владельцы О.А. Иванов

Владельцы Т.А. Иванов

Подарок в виде 10-й книги

Формат 80-100. В виде оригинала 1-й книги 10-й книги

Владельцы 10-й книги 10-й книги 10-й книги

Владельцы 10-й книги

Владельцы 10-й книги

Владельцы 10-й книги 10-й книги 10-й книги

Владельцы 10-й книги 10-й книги 10-й книги

Владельцы 10-й книги 10-й книги 10-й книги

Владельцы 10-й книги 10-й книги 10-й книги

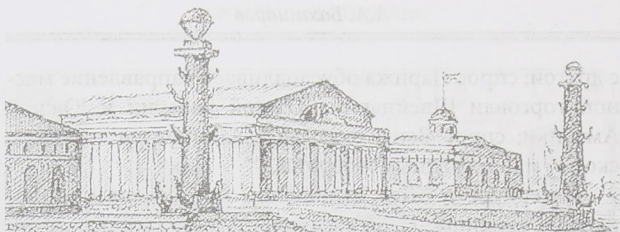
Владельцы 10-й книги

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОРОДСКИЕ СКОТОВОДЫ ИСТОЧНИКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ НАШЕЙ СТОЛИЦЫ

ГОРОДСКИЕ СКОТОБОЙНИ

Как составляются партии быков в южнорусских степях? Бегуны и прасолы. — Какие губернии снабжают Петербург убойным скотом? Скотопригонный двор в Петербурге. Коммиссионеры, быкобойцы и торговцы свиньями. — Городские скотобойни: «башколомы» и «резаки». — Евреи на бойне. — Микроскопическое и макроскопическое исследование мяса и свинины. — Рыночная цена мяса в Петербурге. — Розничный характер торговли скотом. Количество прасолов, занимающихся поставкою убойного скота в Петербург. Стоимость доставки скота. — Монопольный характер мясопромышленности. Количество мясопромышленников, держащих всю мясную торговлю Петербурга в своих руках. — Размеры коммерческих операций с южнорусским скотом. Сколько Петербург съедает мяса в один день. — Привозное мясо в вагонах-ледниках. — Продукты убоя, куда девается 800 000 фунтов бычачьей крови? — «Гусачники» и «кишечники» — поставщики мяса для беднейшего населения столицы.

I

Как известно, лондонский спрос на мясо захватывает не только пространство всего Соединенного королевства, но и Северную Америку, с одной стороны, и Венгрию,

с другой; спрос Парижа обуславливает направление мясной торговли Швейцарии, Южной Баварии и Южной Америки; спрос Вены оказывает влияние на торговлю скотом наших южных губерний.

Петербург в этом отношении представляет любопытное зрелище. Стоя на окраине государства, среди финских хладных скал и тощих болот, он вызывает постоянный прилив скота из южнорусских степей. При первом взгляде на схематические таблицы г. Блиоха, изображающие собою торговое движение скота и мяса в России, вы замечаете два центра — Москву и Петербург. Многочисленные пути, по которым гонят скот, опутывают точно сеть южнорусские степи. По мере приближения к Москве эти пути мало-помалу соединяются в общий широкий поток, который от Москвы поворачивает на Петербург.

Чтобы утолить голод этих двух чудовищ, ежегодно гонятся сотни тысяч быков с берегов Дона и Днепра и даже из далекой Сибири. Так как, говоря вообще, городское население всегда является потребителем лучших сортов мяса, поэтому и сбыт в большие города идет, не стесняясь расстоянием, из таких местностей, где не только скот дешевле, чем в окрестных для этих городов местностях, но где разводятся наиболее крупные и наиболее мясные породы.

Прежде чем попасть в нашу «Северную Пальмиру», бык нередко совершает путину на 5000 верст.

Первое место по количеству выводимого убойного скота принадлежит Земле Войска Донского. По официальным сведениям, за 1881 г. в Донской области числилось населения 1 300 000 душ, а пространство земли в ней 14 543 000 десятин. Хлебопашество стоит на вязкой ступени развития, зато около 9 000 000 десятин заняты

Утро в Петербурге 1880-х гг.

сенокосами. При таких условиях разного скота в области значится:

Лошадей	330 000 голов
Крупного рогатого скота	1 800 000 -"
Баранов	2 200 000 -"

Кроме своего скота, Донская область ежегодно выкармливает на своих тучных пажитях более 30 000 голов убойного скота, вводимого прасолами из губерний Харьковской, Екатеринославской, Ставропольской, Астраханской и из области Кубанской. Принимая во внимание, что эта область дает Москве почти столько же убойного скота, как и для Петербурга, и столько же другим городам, надо допустить, что Земля Войска Донского может произвести убойного скота ежегодно свыше 200 000 голов.

Калмыки, кочующие скотоводы

На громадных пространствах Киргизских и Калмыцких степей в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и по системе р. Маныча еще более простора для развития скотоводства.

Благодаря киргизам и калмыкам миллионы десятин бесплодной и иссушенной солнцем земли обращены в миллионные табуны и стада; обширные негостеприимные степи обращены в скотный двор для целой России.

Предоставленные самим себе, киргизские лошади, бараны и верблюды воспитали в себе наследственную привычку круглый год оставаться на подножном корму, под открытым небом. Зимой эти животные разгребают снег копытами и кормятся подснежной травой.

Калмыки гонят скот в ближайшие ярмарки в Земле Войска Донского, в губерниях Саратовской и Астраханской.

Из юго-восточных малонаселенных губерний убойный скот присылают в столицу только весною, тогда как из Малороссии он идет круглый год.

Прасол¹ — главное действующее лицо скотопромышленности. Скот закупается на многочисленных малороссийских ярмарках. Как много бывает ярмарок в Южной России, можно судить на основании следующих данных: в Богучарском уезде Воронежской губернии происходит в году 109 ярмарок, из которых 39 торгуют скотом. Каждый храмовой праздник дает уже повод к устройству ярмарки.

Приехав на ярмарку с туго набитою мошною, прасол в течение каких-нибудь суток успевает сформировать партию быков в 300–500 голов.

Небезынтересно познакомиться с процессом купли и продажи быков на ярмарках. Прежде всего заметим, что если бы прасол начал покупать скот в розницу, прямо у крестьян, то купля шла бы медленно и во многих отношениях была затруднительна, один привел бы во двор к прасолу пару быков слишком худых, другой — старых, третий — мелких, и т. д. При подобных условиях трудно было бы подобрать «партию» быков: сортировка отняла бы много времени, которое особенно дорого на ярмарке. Ввиду этого прасолы прибегают к посредничеству так называемых бегунов. На скотной ярмарке бегунами называют крестьян, опытных в оценке скота и принимающих на себя обязанность по приисканию во время ярмарки скота таких качеств, на какие укажет купец. Бегуны составляют особый класс торговых посредников и целыми партиями слоняются по ярмаркам. Этим промыслом они кормятся сами и кормят свои семьи. Они собираются на ярмарку дня за два до открытия торга, разыскивают знакомых купцов и предлагают свои услуги. Обыкновенно нанимаются к ним по цене от 10–20 копеек за каждую купленную при их посредстве пару быков.

Подрядив человек пять-шесть бегунов, прасол наказывается им, чтобы они подыскали ему скот такой-то масти, такого-то возраста, такого-то веса, сытости и т. п. На всякой ярмарке, при открытии торгова, первую пару скота купец покупает сам, для чего выходит со своими бегунами на «воловодье». Затем, когда бегуны увидят «пробу» — образчик в первой купленной паре, они рассыпаются по ярмарке, рыскают повсюду, разыскивая подходящие «партии», приторговывают их, убедительными просьбами склоняют крестьян к уступчивости и заводят пары быков во дворы своих патронов. За каждую купленную пару бегун получает бумажный ярлычок, а вечером их представляет купцу для расчета. Из всех многочисленных посредников по торговле убойным скотом бегуны самые полезные и недорогие люди. Благодаря усердию и опытности бегунов прасолы при первом взгляде определяют ценность подобранных быков. При таких условиях вся операция покупки идет ровно, плавно и скоро.

Особенно любопытны ярмарки скота в Киргизских степях. Отправляясь на эти ярмарки, русские купцы берут с собою разного мануфактурного товара, ситцев, дешевого сукна, металлических изделий, чайной посуды и т. п. Как известно, киргизы ведут кочевой образ жизни, но время от времени они стекаются в какое-нибудь урочище на ярмарку, куда пригоняют сотни тысяч разного скота, в особенности баранов и лошадей. Прибыв на ярмарку, русский купец помещается в какой-нибудь киргизской юрте; тут же, около юрты, лежат огромные вороха тюков с товарами.

Киргизы подводят к юрте баранов, быков и лошадей. Купец осматривает скот, и начинается торг. Когда обе стороны сойдутся в цене, киргиз входит в юрту и получает половину следуемой суммы деньгами, а на остальную

половину забирает товару. При этом начинается новый продолжительный торг насчет цены товара.

Единицею ценности в Киргизских степях служит годовалый баран, баран трех лет равен двум баранам; двухгодовалый теленок оценивается четырьмя баранами и т. п. На эти ярмарки, например, в Ақмолинской области, около города Петропавловска, приходят верблюжьи караваны из Хивы и Бухары с коврами, халатами и сухими фруктами. Крупный

Точильщик

рогатый скот, закупленный на степных ярмарках, пасется на равнинах Иртыша и ранней весной отправляется в Москву и Петербург.

По развитию прасольского промысла замечательны города. Муром, Зарайск, Борисоглебск, Коломна и Козлов. Муромские прасолы закупают гурты² по преимуществу в Киргизских степях, козловские купцы посещают донские казачьи степи, Черноморье и Малороссию. Заметим, кстати, что деятельность прасолов не ограничивается только скотопромышленностью, они скупают всякие продукты сельской производительности, по преимуществу разное сырье: пеньку, сало, мед, воск, пух, перо, щетину и т. п. Все эти предметы, пока они находятся в руках первых производителей, не имеют почти никакого значения и ценности, но, собранные в массу, они приобрета-

Извозчики

ют огромное значение в торговле. Таким образом, прасол служит посредником между крестьянином и купцом и избавляет крестьян от издержек, сопряженных с провозом товара до места сбыта. Благодаря прасолам многочисленные богатства России, раздробленные в простонародном быту, не остаются мертвым капиталом, но выступают на рынок, а оттуда на фабрику.

Сгруппировав «партию» быков, прасол подвергает их откармливанию, для чего арендует «полевщины», приготавливает запасы сена и т. п.

Вообще говоря, в России мало культивированного скота. В Англии, например, существует особая система откармливания «живого мяса». Бык всю жизнь стоит в стойле; при хорошей пище, лишенный движения, он только жиреет. Костная система у него развита слабо. Замечательно, что и желудок у английского «благовоспитанного» быка гораздо менее, чем у нашего, почти всю жизнь проводящего среди степей, под открытым небом.

У нас, например, в Донской области, откармливание ограничивается только тем, что скот, назначенный на убой, освобождается от работ месяцев на 6 и более. Летом и осенью этот скот гуляет на подножном корму и затем поступает на рынок. В Малороссии скот ставят «на барду». При этом способе откармливания поступают так: в расстоянии 1 или 2 верст от винокуренного завода устраивают открытые загоны, дворы, каждый голов на 200–300. Внутри двора ставят несколько длинных корыт для барды³, и в разных местах ясли для склада сена. Барду привозят в загоны в бочках и стараются, чтобы скот пил ее еще теплою.

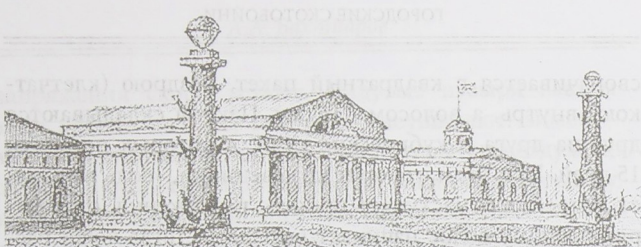
Когда скот «вопьется», то средняя норма дневного пропитания каждого быка определяется в 5–8 ведер барды и 10–15 фунтов сена.

Когда скот «поспеет», т. е. отъестся, его гонят к железнодорожным линиям и отправляют в Петербург.

Какие губернии снабжают нашу столицу убойным скотом?

По количеству пригнанного скота в 1885 г. губернии распределяются следующим образом:

Донская область	40 000	голов
Кубанская	14 000	—
Воронежская губерния	13 000	—
Екатеринославская	12 370	—
Харьковская	15 716	—
Полтавская	18 113	—
Ставропольская	11 550	—
Астраханская	5 700	—
Самарская	3 700	—
Черниговская	3 164	—
Саратовская	3 220	—
Оренбургская	2 800	—

ЩУКИН ДВОР

*Из каких губерний доставляется в столицу лесная дичь? —
Картина Щукина двора¹² зимою и летом. — «Щипари». —
Фруктовая торговля.*

I

Если южнорусские степи высылают Петербургу убойный скот, то северные губернии — Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская и Вятская доставляют в столицу разную лесную дичь. Все эти губернии представляют сплошной край лесов, среди которых по берегам рек раскиданы селенья.

Лес до того одолел здешнего крестьянина, что даже не оставил ему свободного места для выгона, и скот пасется по опушкам леса. Выезжая, например, в олонекскую деревню, вы видите два-три двора, к которым примыкают небольшие пашни и сенокосы, обнесенные изгородью из кольев. А за пажитями начинается лес, который без конца тянется в глубь севера.

Чтобы судить о количестве леса наших северных губерний, приведем следующие данные.

В Архангельской губернии из общего количества земли в 71 883 198 десятин лесная площадь занимает 32 646 044 десятины.

Губерния	Общее количество земли	Лесная площадь
Олонецкая	12 510 009 десятин	7 926 588 десятин
Вологодская	36 552 860 -»-	31 557 512 -»-
Пермская	30 542 022 -»-	21 669 713 -»-
Вятская	14 739 817 -»-	8 098 943 -«-

Итого в пяти губерниях под лесною площадью находится свыше 100 миллионов десятин.

Лес, состоящий преимущественно из сосны и ели, убивает вокруг себя остальную растительность и обращает почву в дикое состояние. С хвойных деревьев осыпаются иглы, которые затрудняют рост травы. От этого бесконечные лесные пространства покрыты почти одним только вереском.

Зато эти дремучие леса обуславливают собою существование широко распространенного охотничьего промысла. В одной только Архангельской губернии до 10 000 человек промышляют охотою главным образом в уездах Мезенском и Пинежском; обороты этих двух уездов по охотничьему промыслу простираются до 50 000 рублей в год.

В Олонецкой губернии охотою на зверя занимаются 3900 человек, охотою на птицу — 5800 человек. В Олонецком уезде на трех человек мужского пола приходится один охотник.

В 1879 г. крестьянами-охотниками Олонецкой губернии было убито и изловлено:

Звери:

медведей	276
волков	119
лисиц	319
куниц	206
зайцев	14 457

белок	86 468
Лесной дичи:	
рябчиков	72 461
куропатов	7 536
глухарей и тетеревей	25 435
ИТОГО: 105 432	

олений, лосей	191
прочих зверей	967
ИТОГО: 103 003	

Изобилие зверей и птиц в Олонецкой губернии обуславливается благоприятною местностью: для зверей и лесной птицы — богатством хвойных и лиственных лесов, для водяной птицы — огромным количеством озер и других вод.

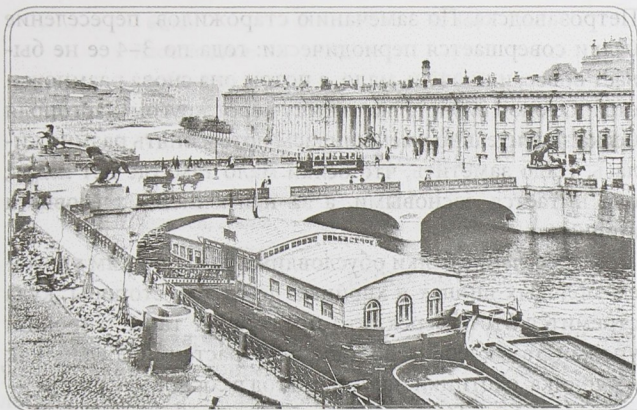
Онежское озеро или, точнее, его полыньи, открывающиеся ранней весною, служат главным приютом перелетным утиным породам; иногда эти полыньи, по словам очевидцев, «настолько запружены стадами птиц, что чернеются, резко выделяясь от белого льда озера; стон, который поднимается между птицами при приближении охотника, не имеет ничего себе подобного».

Белка, или векша, встречается во всех лесах Олонецкой губернии и составляет почти главную статью дохода, на которую рассчитывают крестьяне-охотники. Случается, что белка, при недостаточности пищи в одной местности, перекочевывает в другую. Такое переселение было замечено, например, в 1873 г.: со второй половины апреля в окрестностях Каргополя переселение белки наблюдалось в направлении с востока на север; с половины мая в Каргопольском уезде белка уже значительно уменьшилась в количестве; около этого времени стадо белок на пути переселения несколько дней появлялось в садах

Петрозаводска. По замечанию старожилов, переселение белки совершается периодически: года по 3–4 ее не бывает вовсе, или очень мало, а потом она снова размножается. Около 1870-х гг. на тысячу верст кругом Каргополя белка значительно уменьшилась, потом опять размножилась. Надо заметить, что белки мало там, где нет кедра; она питается сосновыми, а за неимением их еловыми шишками.

Переселение белки обусловливается хорошим урожаем молодых шишек в хвойных лесах той стороны, куда стремится этот зверек, что предвещает также хороший урожай там хлеба и вообще всех растений. Белку, как и рябчика, охотники ищут один год в сосновых, другой — в еловых лесах. При переселениях своих белка как бы руководствуется особым непреодолимым инстинктом: она идет огромными стадами, всегда по прямому направлению, перебираясь через горы, лесные пожарища, селения и даже через озера и широкие реки. В последнем случае, как иногда замечали, белки употребляют свой пушистый хвост вместо паруса, садясь на плывущие сучья и деревья и вместе с ними перебираясь к противоположному берегу. Переходя через селения, белки скачут по крышам домов, гумен и прочему. Если переселение начинается рано и вообще не позднее августа, то белка уходит далеко; если же поздно, то сильные морозы заставляют ее останавливаться, особенно в тех местах, где она находит для себя довольно пищи. В таком случае она ложится в гнездах, из которых выходит только порезвиться в ясную погоду.

Были случаи, когда охотнику удавалось убивать совершенно белую белку, которую, вероятно, вследствие особенной ее редкости, прозвали князьком. Шкурка белой белки, или князька, находится, между прочим, в Олонецком естественно-промышленном и этнографическом музее.

Фонтанка у Аничкова моста

Белка размножается быстро. По мнению охотников, от каждой пары белок разводится ежегодно около 40 штук. Достоинство белки зависит как от корма, так и от времени года. Белка, водящаяся в кедровых лесах, считается лучшею против обитающей в лесах сосновых и еловых. Летом белка имеет короткую и рыжую шерсть и для стрельбы вовсе не годится. С приближением осени она начинает линять: шерсть ее становится длиннее и гуще, а рыжий цвет меняется в серый и темно-дымчатый.

Подобно тому, как Тула славится своими тульскими самоварами, так точно Каргополь славится шитьем белчихих мехов. Нигде так искусно не выделяется и так артистически не подбирается мех, как в Каргополе.

Здесь ежегодно выделяют меха из $1\frac{1}{2}$ миллиона белчихих шкурок. Партия мехов, выделанных из 100 000 белчихих шкурок, на Нижегородской ярмарке продавалась, например, за 15 000 рублей.

Сшиванием беличьих шкурок занимаются городские и деревенские швеи, которых насчитывается до 3000 человек. Каждая швея получает от 75 копеек до 1 рубля поденной платы. По торговле мехами в Каргопольском уезде славится село Шунга, где бывает ярмарка.

В 1877 г. на Ирбитскую ярмарку было привезено беличьих шкурок на 4 000 000 рублей; из этого количества на $2\frac{1}{2}$ миллиона рублей ушло за границу.

II

По окончании полевых работ крестьяне небольшими артелями, от 2 до 4 человек, отправляются в леса за птицей и зверем. Так, например, в Вологодской губернии, в Яренском и Сольвычегодском уездах, насчитывается до 15 000 охотников, промысляющих в лесах казенного ведомства. Охота начинается осенью, около праздника Рождества Богородицы, и продолжается недель 7–8, до выпадения более или менее глубоких снегов.

Охота на белку весьма проста. Необходимо иметь хорошую собаку, от которой зависит и удача охоты. Собака рыщет по лесу и, найдя белку, начинает лаять на нее. Промышленник идет на лай и, если белка сидит в густом лесу, так что определить точно дерево, где сидит белка, по лаю трудно, то охотник стучит по дереву топором, чтобы спугнуть белку, и затем стреляет в нее из ружья. Обыкновенно каждый охотник убивает до 400 белок за охотничий сезон.

Рябчики, тетерева и глухари любят держаться в густом темном бору, а также в еловых лесах, смешанных с молодым березняком, особенно если там есть рябина. Питается рябчик ягодами, преимущественно рябиной и брусникой, а когда выпадет глубокий снег, рябчики собираются к ручьям, поросшим ольшаником, и едят его почки. При

Святочный базар

своих весьма небольших крыльях сравнительно с размером и весом тела рябчик никоим образом не может быть отнесен к числу летающих птиц. Он перелетает недалеко с места на место и на лету шумит, «журчит», как говорят охотники. Если рябчику грозит опасность, он взлетает на дерево, выбирая преимущественно ель, садится на сук возле самого ствола и, когда слышит подозрительный шорох, перебегают по сучкам на другую сторону дерева, откуда, высунувши голову, старается разглядеть причину опасности. Лучшими рябчиками считаются привозимые с берегов Печоры — «кедровики», затем беломорские — с летнего берега.

Охота на птиц производится главным образом при помощи силков, во множестве расставляемых на лесных тропинках, называемых «путиками». Эти путики вместе с прилегающим к ним лесным пространством

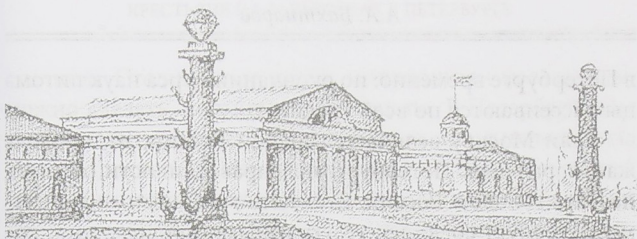
составляют семейную, от отца к сыну переходящую собственность.

На право владения лесными путями у многих охотников имеются старинные грамотки, передающиеся из рода в род. Освященные временем, эти грамотки считаются «миром» бесспорными документами. После смерти владельцев путики передаются в общественное владение, или сдаются в аренду, или, наконец, в дар церкви. На долю каждого двора приходится район от 20 до 100 верст в окружности.

Путики тянутся в участке каждого охотника на 40–50 верст. Прокладываются таким образом: идет охотник и обрубает топором ветки с деревьев — и путик готов. Каждый охотник ставит для ловли птиц от 200 до 500 и даже до 1000 силков и ловушек, смотря по умению и трудолюбию. Живя все это время в лесу почти безвыходно, он по временам осматривает силки и ловушки, причем для осмотра, например, 500 силков ему нужно употребить около четырех дней.

Небезынтересно проследить, каким образом устраиваются силки для ловли птиц. Существует два способа устройства силков — осенних и зимних.

Для постановки зимних силков избирается небольшая березка вышиною в сажень и толщиною в вершок и очищается от сучьев. Затем она наклоняется, и у самого конца к ней привязывается волосная петля и тонкая веревочка, оканчивающаяся петелькою; когда это сделано, приступают к другой работе. Сперва вбивают в землю кол под весьма острым углом. Свободный конец его гладко обстругивают и около него, на земле или в снегу, складывают квадратный сруб из веток вышиною в четверть аршина и такой же ширины; в этот сруб кладут рябину или другие какие-нибудь ягоды и затем нагибают

КРЕСТЬЯНЕ НА ЗАРАБОТКАХ В ПЕТЕРБУРГЕ

По переписи 1869 г. в Петербурге насчитывалось 619 000 жителей обоего пола, а по переписи, произведенной в 1881 г., в нем уже оказалось 861 920 жителей. Кроме того, в пригородных участках, Петергофском, Лесном и Полюстровском, числилось 66 700 человек. По количеству жителей Петербург превосходит Москву на 14%. В противоположность весьма распространенному мнению, оказывается, что Петербург больше Москвы и по своей площади. Москва занимает площадь в 62 квадратные версты, а Петербург простирается на 90 квадратных верст, т. е. на 44% превышает в этом отношении Москву.

Огромное значение пришлового населения для больших городов общеизвестно. Что касается до Петербурга, то в нем пришлый элемент составляет 70% всего населения столицы. Едва ли не большинство петербургского населения живет чисто материальною жизнью; нравственные же интересы находятся вне столицы, где-нибудь в провинции.

Начиная от опереточной дивы и кончая каким-нибудь костромским плотником — все подобные заезжие обыватели столицы живут в ней временно, на заработках. Мы не говорим уже о многочисленных питомцах высших учебных заведений столицы, которые тоже живут

в Петербурге временно: по окончании курса наук питомцы рассеиваются по всей России.

Если Москву величают сердцем России, то, продолжая параллель, Петербург, по справедливости, следует назвать головою России. Со всеми губернскими городами Петербург соединен телеграфными проволоками, которые, подобно нервам, разветвляются по всему государственному организму. Кроме того, более чем с тридцатью губернскими городами столица соединена железнодорожными путями, из которых по Николаевской железной дороге подвозится к Петербургу огромное количество разных питательных продуктов.

Из года в год осенью, в октябре месяце, по Николаевской железной дороге ходят из Петербурга так называемые «удешевленные поезда» для чернорабочих. Чтобы судить, с какою поспешностью крестьяне уезжают после летних заработков на родину, приводим следующий факт: с 3 по 11 октября 1887 г. выбыло по пониженному тарифу 6857 человек, а за всю осень ежегодно отъезжает на родину до 25 000 человек.

К Петербургу устремляются десятки и даже сотни тысяч крестьян на более или менее продолжительные заработки.

Крестьяне периодически перекочевывают из деревни в столицу на отхожие промыслы — точно перелетные птицы — на зиму возвращаются домой. Губернии, откуда главным образом крестьяне тяготеют к Петербургу, расположены по верхней Волге, а также и по водным системам, соединяющим Волгу с Невою. Эти губернии следующие: Петербургская, Новгородская, Тверская, Ярославская и Костромская.

Прежде всего — о Петербургской губернии. В отношении промышленности вся губерния вполне зависит от

столицы. Столица с ее почти миллионным населением, можно сказать, кормит всю губернию. В Петербургском уезде развита заводская и фабричная промышленность; Новоладожский, Шлиссельбургский и Царскосельский уезды участвуют в судоходном промысле, в добывании плиты, извести, сена, дров и строевого материала; Царскосельский, Петербургский и Петергофский уезды занимаются также и огородничеством.

Для примера возьмем Шлиссельбургский и Петергофский уезды, ближайшие к столице, и посмотрим, какое влияние эта последняя оказала на занятия жителей упомянутых уездов. Бюджет крестьянского населения Петергофского уезда весь построен в расчетах на близость столицы. В 1881 г. из 26 000 взрослого крестьянского населения Петергофского уезда $8\frac{1}{2}$ тысячи, или третья часть его, рассчитывали на сторонние заработки вне деревни. В уезде есть местности, где деревни зимою почти пустуют. Так, в Капорской волости из 10 мужчин 8 рассчитывают на сторонние заработки, которые развиты тем сильнее, чем ближе находится какая-нибудь местность к столице. Извозничеством промышляют до 2000 человек. Крестьяне извозничают сами, имея «зимнюю закладку». По показанию местных домохозяев, имея пару лошадей, легко можно выручить в зиму до 150 рублей на лошадь.

Кроме петербургских Ванек (так называют извозчиков), Петергофский уезд высылает в столицу не менее полутора тысяч взрослого мужского населения в качестве прислуги. До двадцати деревень разводят смородину. Молочным промыслом в Петергофском уезде занято 2239 дворов, в которых считается 6127 коров.

Южная половина Шлиссельбургского уезда покрыта сплошной массой болот, поросших лесом и мхом; здесь попадаются болота, простирающиеся на 4000-

5000 десятин. Земледелие Шлиссельбургского уезда не в состоянии удовлетворить нужды населения, доставляя в среднем урожай только $\frac{2}{5}$ необходимого количества продовольственных средств; остальные $\frac{3}{5}$ крестьяне должны добывать на стороне, а также и все остальные потребности вынуждены покрывать из других источников.

Кроме молочного промысла, о котором мы говорили выше, в Шлиссельбургском уезде создались следующие промыслы: ягодный и грибной промысел, дранье ивовой коры, судовый промысел, плиточный промысел³¹ и извозничество.

Если в конце июля и начале августа перепадают сильные дожди, которые имеют влияние на усиленный рост грибов разного рода и груздей, то с 15 августа начинается их сбор для засолки на зиму. Во время так называемого бабьего лета по всем проселкам и дорогам встречаются толпы людей с корзинками в руках, отправляющихся в лес по грибы.

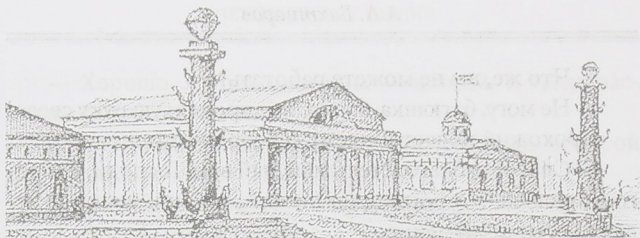
Цены на ягоды и грибы сильно изменяются в зависимости от урожая; так, в 1882 г. брусника и клюква продавались крестьянами по 2 рубля за четверик, а в 1883 г. — всего по 40 копеек. В 1884 г. барышники скупали бруснику и клюкву по 30 копеек четверть, морошку по 3–4 копейки за фунт, чернику — по копейке за фунт.

Драньем ивовой коры занимаются и мужчины, и женщины. За право драть ивовую кору в помещичьих лесах платят или деньгами, или работой. Так, например, в Матокской волости 20 общин, арендующих право сбора ягод и грибов и дранья ивовой коры, платят за арендуемое «право» 500 рублей и, кроме того, дают 50 пеших рабочих дней стоимостью около 40 рублей.

В некоторых местах каждая женщина, собирающая грибы или ягоды, должна жать 1 день на поле земледельца.

Плотники и печники

Плиточный промысел распространен главным образом в Путиловской волости. Он является отчасти местным, отчасти отхожим промыслом: на месте производится колка плиты, обеска и вывозка на канал. Затем плита отвозится в Петербург, где она идет на панели, лестницы, фундаменты домов и т. п. Наиболее тяжелая часть по добыванию и ломке плиты — это работы на самих ломках. Кирка, лом, кулак (2-пудовый молот), клин и стойка — вот единственные орудия ломки плиты. Как видно, употребляется исключительно только мускульная сила человека. Плиточным промыслом занято до

ПЕТЕРБУРГСКИЕ НИЩЕ

Нищие на Смоленском кладбище.⁴¹ — Дети-нищие. —

Уличные музыканты. — Ночлежники.

I

Нищенство в Петербурге год от году усиливается и становится явлением самым обыкновенным. Кроме дряхлых стариков, нищенством промышляют дети и даже женщины с грудными младенцами. Особенно много нищих бывает зимою, преимущественно накануне рождественских праздников. Знакомая сцена: во время праздничной сутолоки среди шумных улиц столицы торчит печальная фигура нищего, свидетельствуя своим умоляющим взглядом, что ему не хватило места на жизненном пиру.

— Смилуйтесь, убогому на ночлег! — произносит старик нищий, обращаясь к прохожим в холодный зимний вечер. Ветер подымает снег и кружит его в воздухе. Нищий стоит на Петербургской стороне около парка. Он одет в летнее пальтишко и в какую-то легкую шапчонку и весь съежился. Одна рука его скорчена.

Лишь только прохожий поравняется, нищий, прося подаяние, указывает на скорченную руку, как на самый убедительный аргумент.

— Что же, вы не можете работать?

— Не могу, батюшка-барин, вот проклятую руку свело! Прохожий подает нищему серебряную монету.

— Спасибо, благодетель мой, дай вам, Господи, доброго здоровья! — проговорил нищий, снявши шапку и делая крестное знамение.

В это время сильным порывом ветра чуть не вырвало шапку из рук нищего.

— Да наденьте шапку-то: ведь холодно!

— Э, барин, мы привыкли и к голоду, и к холоду...

— Где вы живете?

— Около церкви Николы-трупилы. Благочестивый уголок! Благочестивый! Нас тут живет трое: тараканщик, факельщик и я. Каждый из нас нанимает уголок у артельщика, а в четвертом углу помещается сам артельщик с женою. По утрам все мы идем на работу. Хозяин — на биржу, тараканщик — тараканов морить, я — на улицу, а факельщик — мертвых провожать на кладбище.

Видя некоторое участие к его житью-бытью, нищий обратился к барину с просьбою.

— Ваше благородие! Можно вас просить ко мне?

— Зачем же я к вам приду?

— У меня просьба до вас будет...

— Ну, говорите!

— Напишите мне прошение о вспомоществовании, я его подам в контору на Васильевском острове.

— Кому же вы подадите?

— Богач, миллионер... Страсть! Фамилию-то я его позабыл... еще рудники свои на Урале имеет...

— Де...в, что ли? Да разве контора принимает подобные прошения?

— Говорят, тысячи на это дело расходует: кому три, кому пять рублей... Вот я и хочу попытать счастья...

— Хорошо, я опишу, что вы — нищий, и тогда раскрывай шире карманы!

Старик обрадовался, как голодная курица, которой просо снится.

Кроме нищенства, этот старик промышляет еще другими способами: исполняет в церкви обязанность придворника и, наконец, благодаря рекомендации своего товарища, ходит с факелом впереди похоронной процессии. При исполнении обязанности факельщика нищий сбрасывает с себя рваное рубище и облачается в черный фрак и цилиндр, полагающиеся от гробовщика.

Нищий сетовал, что обязанность факельщика — самая неблагодарная:

— За проводы на тот свет дают 40 копеек. А ведь конец-то какой!.. Идешь, идешь черепашьим шагом, устанешь, промерзнешь... особенно если на Митрофаниевское кладбище⁴²...

Иногда нищий ходит в больницу «отчитывать» покойников. Ему удалось пристроиться к покойницкой в одной из городских больниц. Случается отчитывать сразу нескольких покойников, и вознаграждение за труд получается с каждого покойника отдельно.

— Ну что, много зарабатываешь?

— Какое! Гроши одни «начитываешь»! В этой больнице умирает народ бедный, чернорабочий... Гол, как сокол! Приедет в Питер, да здесь ноги-то и протянет. Похоронить не на что. До наживы ли тут?

Лишь только ударит первый колокол ко всенощной или к обедне, нищий уже плетется к церкви Николы-трупилы, где и становится у церковной двери. Обыкновенно в это время он тщательно причесан, почищен, стоит чинно, прислушиваясь, нейдет ли кто-нибудь. Заслышав шаги посетителя, он тотчас отворяет ему двери. За эту

услугу его награждают иногда подачкой. По окончании церковной службы нищий вместе со старухами и монахинями, собирающимися на построение храма, становится на паперти, протягивая руку прихожанам. Но главную арену для нищенства представляет Смоленское кладбище. Нищие, избравшие своей резиденцией это кладбище, имеют, так сказать, особый нюх. Они за несколько дней вперед уже знают, что будут богатые похороны, и стекаются толпами, точно шакалы.

Смоленское кладбище сосредоточивает вокруг себя своеобразные промыслы, которыми питается не одна сотня бедняков. Когда с Малега проспекта вы повернете на 17-ю линию, сразу заметите, что здесь уже начинается царство мертвых. По всей улице, направо и налево, попадаются лавки и магазины для продажи памятников; около ворот выставлены напоказ тысячи крестов для покойников; по заборах развешены многочисленные венки; на средину дороги беспрестанно выбегают навстречу прохожим бабы-торговки, предлагая купить «веночек», который они назойливо суют вам под самый нос. Торговки венками арендуют у какого-нибудь домовладельца забор, выходящий на улицу, и развешивают на нем свой товар. Торговля «на заборе» распространена до того, что редкий из них не занят венками.

Кресты для покойников изготавливаются особыми мастерами. На дворах у них — целый лес крестов. Каждый рабочий рубит их в день от 3 до 6 штук, а детских так и целую дюжину.

Богатые могилы украшаются живыми цветами. Недалеко от кладбища существует оранжерея, откуда цветы идут исключительно на могилы.

У самых ворот кладбища, под навесом, сидит несколько дряхлых старух, перед ними кружка с надписью:

Нищие и разносчики

«На пропитание богаделенок». Если кто-нибудь из прохожих опустит в кружку подаяние, старухи набожно крестятся и все в один голос произносят: «Спаси, Господи, и помилуй благодетеля нашего!»

Богадельня устроена при кладбищенской церкви, и богаделенки ведут между собою очередь, кому сидеть с кружкою. Каждый день сидят четыре старухи; собранные деньги делятся поровну. На кладбище они слынут под именем поминальщиц. Кроме них этим делом занимаются и нищие, которые вереницами стоят по дорожкам кладбища. В изорванных одеждах, нередко с разными физическими недостатками, нищие и нищенки молчаливо ожидают подачки на помин рабы или раба Божьего...

— Смилуйтесь, убогому на пропитанье!.. — обращается к прохожим старик нищий.

Под влиянием элегического настроения прохожие, пришедшие вспомнить «зде лежащих», щедро одевают нищую братию. Подавая милостыню, называют и имя усопшего.

— За раба Божьего Ивана!

— За рабу Божию Елизавету!

— Помяни, старичок, раба Божия Николая! — кричит одна поддевка.

Приняв монету, старик творит крестное знамение и, возведя глаза к небу, набожно произносит: «Упокой, Господи, душу раба твоего... во царствии твоём!»

Смоленское кладбище занимает собою площадь в 55 десятин. Для рытья могил организована артель могильщиков. За рытье могилы каждая третья копейка причитается могильщикам, а остальные две копейки идут в пользу церкви.

По середине кладбища — деревянный навес с надписью: «Артель могильщиков».

Под навесом, на стенах, висит множество ключей от склепов, мавзолеев и могильных решеток; чтобы не перепутать, к каждому ключу привязаны деревянные дощечки с надписью фамилии их владельцев.

Отправляясь на работу, могильщик берет с собою «щуп», лопату и ведро. Щуп — это стальная палка, в палец толщины, в сажень длины, на одном конце заострена, а на другом имеется ручка. Прежде чем рыть могилу, могильщик ощупывает место: если щуп идет в почву свободно — значит, там никого нет, а если место занято, щуп стукнет в гробовую доску. Так как Петербург стоит на болотистой почве, то при рытье могилы на дне ее почти всегда бывает вода, которую могильщики и выливают прочь ведром. Впрочем, в летнее время гроб зачастую

Нищие

опускается в могилу прямо в подпочвенную воду. При отдании последнего долга (особенно если похороны богатые), нищие толпятся и около кладбищенской церкви, и возле могилы, чтобы «помянуть добром покойничка».

Могильщики, бросив на могилу последнюю лопату земли, обращаются к распорядителю похорон с просьбою «пожаловать на чаек», чтобы было чем помянуть покойного!

Около Смоленского кладбища, по 17-й линии, имеется несколько кухмистерских, в которых справляют поминки по усопшим. Родственники и знакомые умершего с кладбища прямо заворачивают в кухмистерскую с официантами, где, по славянскому обычаю, бывает кутья и блины.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**